

Научная статья

УДК 94(47)“1937/1939”

DOI: 10.32516/2303-9922.2025.53.9

Политическая жизнь в Лысьве в контексте дела группы Кабакова на Урале

Глеб Евгеньевич Константинов

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия, glkonst@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0006-6735-020X>

Аннотация. Статья посвящена локальной истории политической элиты г. Лысьвы в период активных кадровых перестановок, вызванных репрессиями против номенклатурных работников в 1937—1939 гг. В отличие от событий на уровне областных комитетов партии и облисполкомов события на местном уровне остаются недостаточно изученными. В статье рассматриваются последствия обвинения первого секретаря Свердловского обкома ВКП(б) И. Д. Кабакова в создании контрреволюционного заговора правых на Урале для представителей местной элиты г. Лысьвы — первого секретаря Лысьвенского горкома ВКП(б) В. Н. Козлова и председателя Лысьвенского горсовета М. П. Шеина. На основе архивно-следственных дел, протоколов заседаний райпартконференций, пленумов горкома и документов горисполкома проводится анализ взаимодействия местных элит и группы Кабакова. Реконструируется картина политической жизни в Лысьве в 1937—1939 гг. и ее взаимосвязь с событиями в Свердловской области. Вводится в научный оборот ряд неиспользованных ранее архивных документов, посвященных истории г. Лысьвы.

Ключевые слова: И. Д. Кабаков, Свердловский обком, архивно-следственное дело, Лысьвенский горсовет, Лысьвенский горком, М. П. Шеин, В. Н. Козлов.

Для цитирования: Константинов Г. Е. Политическая жизнь в Лысьве в контексте дела группы Кабакова на Урале // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2025. № 1 (53). С. 143—156. URL: http://vestospu.ru/archive/2025/articles/53/9_53_2025.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2025.53.9.

Original article

Political life in Lysva in context of the Kabakov group case in the Urals

Gleb E. Konstantinov

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia, glkonst@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0006-6735-020X>

Abstract. The article is devoted to the local history of the political elite of the town of Lysva during the period of active personnel changes caused by the repressions against the nomenklatura workers in 1937—1939. Unlike the events at the level of regional party committees and regional executive committees, the events at the local level remain poorly studied. The article examines the consequences of accusing the first secretary of the Sverdlovsk regional committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) I. D. Kabakov of creating a counterrevolutionary conspiracy of the Rights in the Urals for the representatives of the local elite of Lysva town — the first secretary of the Lysva Town Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) V. N. Kozlov and the chairman of the Lysva Town Council M. P. Shein. Based on archival investigative files, minutes of district party conference proceedings, plenary sessions of the Town Committee and documents of the Town Executive Committee, the analysis of the interaction of the local elites and Kabakov's group is carried out. The picture of political life in Lysva in 1937—1939 and its relation to the events in the Sverdlovsk region is reconstructed. A number of previously unused archival documents dedicated to the local history of the town of Lysva are introduced into scientific circulation.

© Константинов Г. Е., 2025

Keywords: I. D. Kabakov, Sverdlovsk regional council, archival and investigative case, Lysva Town Council, Lysva Town Committee, M. P. Shein, V. N. Kozlov.

For citation: Konstantinov G. E. Political life in Lysva in context of the Kabakov group case in the Urals. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2025, no. 1 (53), pp. 143—156. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2025.53.9>.

Введение

Изменения в рядах номенклатуры, начавшиеся в Свердловской области с 1936 г., после ареста первого секретаря Свердловского обкома И. Д. Кабакова распространились на все районы и города области. Лысьвенские органы власти эти изменения затронули дважды.

Первый секретарь Лысьвенского горкома В. Н. Козлов и председатель Лысьвенского горисполкома М. П. Шеин были арестованы в Свердловске, а следствием по их делам занималось УНКВД Свердловской области. Козлов был арестован 4 июля 1937 г. и расстрелян 15 января 1938 г., а Шеин арестован 3 января 1938 г. и расстрелян 9 августа 1938 г. Несмотря на полугодовой интервал между арестами, и Козлов, и Шеин были частью центрального дела группы Кабакова, которое началось с ареста председателя облисполкома В. Ф. Головина в начале 1937 г., а после ареста самого Кабакова 22 мая 1937 г. получило широкий размах по всей области [11, с. 40].

После вынесения приговора Козлову Свердловский отдел НКВД отправил своим коллегам в Лысьве письмо, в котором фактически призывал раскрыть местную группу правых [20, л. 311]. В конце 1937 г. началось расследование Лысьвенского отдела НКВД, которое шло параллельно главному делу группы Кабакова. Лысьвенским отделением были арестованы десять представителей местных органов власти — второй секретарь горкома, руководители отделов горкома и горсовета и др. Арестованы они были в конце 1937 — начале 1938 г., а продолжалось следствие до 22 декабря 1939 г., когда Пермский областной суд уже поставил в нем точку.

Таким образом, события, связанные с делом Кабакова для Лысьвы, делятся на две группы: дела Козлова и Шеина, которые вел Свердловский отдел НКВД, и дела руководителей рангом ниже, за которых взялся Лысьвенский отдел. В данной статье будут рассмотрены архивно-следственные дела Шеина и Козлова и ряд документов, относящихся к их деятельности.

Тема региональной номенклатуры в целом и группы Кабакова в частности затрагивалась рядом исследователей. В серии статей А. В. Сушкова внимание акцентируется на смещении Сталиным группы Кабакова из-за ее коррумпированности и неэффективности [24; 25; 27]. В работе А. А. Колдушко добавляется тема опасности региональных патрон-клиентских сетей для центральной власти [7]. В ряде работ О. Л. Лейбовича рассматриваются вопросы, связанные с особенностями профессиональной деятельности номенклатурных работников [9; 10]. В коллективной монографии «Включен в операцию» события в Пермской части Свердловской области вписываются в более общую картину и рассматриваются с точки зрения их места в большом терроре, хотя и упомянутые выше темы коррупции, семейственности и неэффективности там тоже присутствуют [11, с. 32—33].

Темы политического расчета руководства партии в вопросах поощрения и поддержки областного руководства затрагиваются и в более общих работах О. В. Хлевнюка [33; 34].

Социально-политические процессы предвоенного периода в Свердловске и крупных городах Уральской области также становились предметами исследований [1; 2; 8; 31; 32]. Однако на уровне локальной истории эти процессы практически не изучены. Рассматри-

ваемая нами тема косвенно затрагивается и в некоторых других работах с более широкой тематикой или географией [26; 28—30].

Исходя из степени изученности рассматриваемой проблемы, целью исследования было определено изучение особенностей политической жизни г. Лысьвы в период кардинальных изменений в советской номенклатуре 1937—1939 гг. Среди отдельных задач можно выделить: 1) сравнение политических процессов, происходивших на региональном уровне — в Свердловском обкоме ВКП(б), с процессами на местном уровне в контексте дела Кабакова и кадровой революции в номенклатуре Свердловской области; 2) изучение деятельности и характеристика местной политической элиты г. Лысьвы, первого секретаря Лысьвенского горкома ВКП(б) и председателя Лысьвенского горисполкома; 3) анализ взаимодействия руководителей города с номенклатурными работниками, находящимися в иерархии ниже: руководителями отделов горисполкома и горсовета, вторыми секретарями, начальниками местных предприятий; 4) изучение влияния лысьвенской парторганизации как совокупности всех членов партии города на политическую ситуацию, которое особенно сильно проявилось на районных партийных конференциях рассматриваемого периода.

Основными источниками настоящего исследования стали фонды Лысьвенского городского комитета ВКП(б) и исполнительного комитета Лысьвенского городского совета, находящиеся в Пермском архиве социально-политической истории и Государственном архиве Пермского края соответственно. Автор полагает, что фонды органов исполнительной и законодательной власти небольших городов, к числу которых принадлежит Лысьва, являются ценным источником по политической истории предвоенного периода по ряду причин. Во-первых, они дают возможность изучить детали процессов, происходивших на региональном уровне. Взаимодействие обкома с местными горкомами и райкомами, отраженное в данных документах, позволяет охарактеризовать положение в региональном центре. Во-вторых, несмотря на то что общая картина по региону достаточно хорошо изучена, локальная история небольших городов интересна и актуальна сама по себе.

Кроме того, в статье использованы материалы нескольких архивно-следственных дел, обвиняемыми в которых выступали ответственные работники Лысьвы рассматриваемого периода.

Результаты исследования

Рассмотрим, как в общую картину политического процесса против контрреволюционной группы правых на Урале, возглавляемой И. Д. Кабаковым, вписываются архивные документы, относящиеся к деятельности В. Н. Козлова и М. П. Шеина. Начнем с вопроса о принадлежности этих дел к процессу группы Кабакова. В обоих архивно-следственных делах присутствует только один протокол допроса, проведенного вскоре после ареста. Часть текста допросов Шеина и Козлова совпадает. В этих фрагментах обвиняемые описывают свой разговор один на один с вышестоящим в иерархии работником, который привлекает их в организацию правых. За исключением фамилий (для Шеина это Козлов, а для Козлова — второй секретарь Свердловского обкома Пшеницын), текст совпадает практически полностью.

Из допроса Козлова: «Беседа эта происходила один на один в кабинете Пшеницына. Объясняя, почему он так энергично восхваляет Кабакова, Пшеницын начал развивать мысль о том, что в политической жизни степень преданности тому или иному политическому руководителю выражает степень солидарности с его политическими установками. Таким образом, все, кто проявил свою преданность Кабакову, этим самым заявил о своей солидарности с политическими установками Кабакова, которые полностью совпадают

с установками правых. Далее Пшеницын мне поведал, что правые развернули большую организационную и практическую работу против ВКП(б) и что непосредственной задачей борьбы правых является свержение нынешнего руководства ВКП(б) с целью последующей реставрации капитализма. Подготавливая свержение нынешнего руководства, они не останавливаются в выборе средств, в том числе перед вооруженным восстанием и террором» [22, л. 10].

Из допроса Шеина: «Когда я в 1935 году был избран председателем Лысьвенского горсовета, у меня установилась по роду деятельности связь с секретарем ГК ВКП(б) Козловым В. Н. В одной из бесед он сказал, что все, кто проявляют преданность Кабакову, разделяют его взгляды. Далее, при последующих встречах с Козловым он мне прямо заявлял, что Пшеницын и Кабаков являются участниками организации правых, что они развернули большую организационную и практическую работу, направленную против ЦК ВКП(б), направленную на свержение нынешнего руководства ЦК ВКП(б) путем вооруженного восстания и террора» [23, л. 11].

Интересно, что в деле Козлова есть обоснование, почему он не мог отказаться от вступления в контрреволюционную группу: «Затем Пшеницын поставил вопрос так: все те, кто своей практической работой связан с правыми, должен сделать следующий шаг и принять участие в организационной борьбе против руководства ВКП(б). Это последнее замечание было прямо адресовано мне. Не встретив с моей стороны возражений, Пшеницын прямо поставил вопрос о том, что он, Пшеницын имеет поручение Кабакова предложить мне вступить в нелегальную организацию правых. — Что вы ответили? — Я был вынужден согласиться. — Почему вынужден? — Потому, что отступать было поздно. Постановка вопроса Пшеницына правильно отражала положение вещей. Я — преданный кабаковец, и организационной и практической работой на деле давно уже примкнул к правым» [22, л. 11].

Можно проследить создание следователями структуры контрреволюционной организации правых, увидеть путь, через который свидетели (т.е. на самом деле следователи), постепенно называя новые имена, дошли до Козлова и Шеина. Свидетелями по делу Козлова были либо сотрудники обкома, либо секретари других районных организаций Уральской области. Например, из допроса бывшего члена обкома и управляющего треста «Востоксталь» Я. П. Иванченко: «Что вы знаете о бывшем секретаре Лысьвенского горкома ВКП(б) Козлове? — Совершенно точно, мне Кабаков сообщил о том, что Козлов является членом контрреволюционной организации правых на Урале, ему было Кабаковым поручено вместе с директором этого завода Логийко проводить линию правых на заводе и срывать оборонные заказы» [22, л. 33].

Основное отличие этих двух дел — в положении обвиняемых на момент ареста. Козлов был арестован, будучи секретарем горкома, а вот Шеин лишился своей должности 5 июня 1937 г., за полгода до своего ареста и за месяц до ареста Козлова [3, л. 83]. Именно Козлов инициировал отстранение Шеина, обвинив его в антипартийной деятельности и сочувствии правым [3, л. 50—51]. Чистка в рядах свердловской номенклатуры уже шла, и Козлов, вероятно, пытался показать, что и Лысьвенская парторганизация не отстает, и, возможно, стремился несколько обезопасить себя от подобных обвинений. Вряд ли это отстранение принципиально изменило судьбы Козлова и Шеина, но оно показывает, что местный политический процесс мог быть достаточно самостоятельным.

Перейдем к сюжету коррупции в рядах уральской номенклатуры и «семейственности» ее структуры. Приведем часть допроса В. Н. Козлова:

«Вопрос: Вы изобличены и арестованы как участник контрреволюционной диверсионно-разведывательной организации правых. Следствие предлагает вам дать показания о своей практической контрреволюционной работе.

Ответ: Заявляю, что участником организации правых я не был и о самом существовании нелегальной контрреволюционной организации правых мне стало известно только незадолго до моего ареста из официальных источников.

Вопрос: Вы говорите неправду. Как активный участник нелегальной контрреволюционной организации правых вы изобличаетесь показаниями ряда участников этой организации.

Ответ: Не думаю, чтобы кто-либо мог говорить и показывать обо мне как об участнике организации правых.

Вопрос: Вы не отрицаете свою близость с участником организации правых Федченко?

Ответ: С Федченко я находился в дружеских отношениях, но я знал его только как члена ВКП(б) и секретаря РК ВКП(б) в Егоршино, а позже Ленинского РК ВКП(б) в Свердловске.

Вопрос: На допросе 15.7.1937 года Федченко показал, что «Род, Ян и Козлов являлись активными членами организации правых». Вы будете отрицать показания Федченко?

Ответ: Я отрицаю правильность показаний Федченко, который, как я теперь понимаю, долго обманывал меня, а теперь оклеветал меня перед ВКП(б) и следствием».

Далее приводятся показания о связях Козлова с Кабаковым и Пшеницыным. Другие его обвинения в причастности к организации, он объясняет тем, «что Кабаков и в особенности Пшеницын действительно старались приблизить меня к себе, т.к. они благоприятно оценивали мою работу как секретаря Лысьвенской организации ВКП(б)» [22, л. 7].

На вопрос следователя «А не потому ли они хорошо оценивали вашу работу, что вы хорошо работали в интересах организации правых?» Козлов снова отвечает, что о существовании организации правых на Урале ему ничего неизвестно [22, л. 8]. Пока что Козлов, признавая свои контакты с другими руководящими работниками Свердловской области, отрицает какие-либо незаконные действия. Его ответы меняются после упоминания обкомовских дач и финансовых вопросов:

«Вопрос: Следствием установлено, что вы были организационно связаны с рядом участников организации правых и совместно с ними принимали участие в контрреволюционных собраниях правых.

Ответ: Это неверно, я не принимал участия ни в каких контрреволюционных собраниях.

Вопрос: Привожу показания лично и близко с Вами связанного участника организации правых Д. М. Ханина: «Я говорю о тех собраниях, которые происходили на даче обкома в Истоке, куда я впервые пошел по приглашению Козлова и Лapidуса и где впоследствии часто бывал вместе с Козловым и Федченко. Это политические собрания контрреволюционного характера, здесь бывали люди, преданность которых Кабакову и Пшеницыну не вызвала сомнений. Назначение этих собраний было: консолидация людей, преданных Кабакову, их проверка и дальнейшая обработка с целью последующего их включения в контрреволюционную работу, их вербовка в организацию правых».

Ответ: Я не отрицаю, что бывал неоднократно на вечеринках и выпивках в обкомовской даче на Истоке, но эти вечеринки, во всяком случае те, на которых я бывал, не носили характера контрреволюционных выступлений».

Сразу же после этого следователь говорит, что по показанию одного из свидетелей Козлов в течение трех лет получал пособия от 1500 до 2500 руб. деньгами и материалами. Директор завода Логейко также материально помогал Козлову. И Козлов отвечает, что понимает бесполезность запирательства и больше не будет отрицать, что действительно являлся участником организации правых на Урале [22, л. 9—10].

Признание Козлова может быть написано следствием, но он, в отличие от Шеина, на заседании суда от своих показаний не отказался. Финансовые обвинения могли заставить Козлова понять, что угроза реальна, и пойти на сотрудничество, признав себя участником группы правых. Отметим также, что действия следователей по созданию контрреволюционной группы правых в текстах допросов и реальные связи между руководящими работниками Свердловской области имеют много общего. С одной стороны, это объясняется тем, что и областной, и местные отделы НКВД, судя по всему, пытались сделать существование контрреволюционной группы более правдоподобным. К содержанию архивно-следственных дел группы Кабакова нужно подходить осторожно, но действительные факты вполне могут присутствовать в выдуманных следователями сюжетах допросов.

Эпизод связи между секретарями ВКП(б) и руководством крупных предприятий присутствует в деле Козлова еще раз: «Кабаков поручил мне создать прикрытие для директора Лысьвенского завода Звайзгне. Заводская партийная организация неоднократно требовала привлечения его к ответственности. Пользуясь своим положением первого секретаря горкома, я требовал от партийной организации поддержки Звайзгне» [22, л. 17]. Реальная поддержка Козловым Звайзгне, которого критиковали на городской конференции за игнорирование требований завкома партии и рядовых работников завода, а также за покровительство вредителей, действительно имела место. Козлов защищал Звайзгне от массовой и острой критики со стороны работников завода: «...в дальнейшем Звайзгне учтет все недостатки, указанные на конференции. В члены горкома его, как директора, надо ввести» [16, л. 114].

Шеин не бывал на обкомовских дачах, большая часть его допроса посвящена контрреволюционному заговору и кажется написанной следователями. Но и в его деле есть два фрагмента, связанных с реальной деятельностью.

Достаточно подробно в деле описывается ситуация, когда в 1935 г. Шеин и другие участники контрреволюционной организации специально закупили сломанные тракторы, чтобы подорвать сельское хозяйство Лысьвенского района [23, л. 25—27]. На уже упомянутом судебном процессе местной группы в декабре 1939 г. один из работников завода дает следующие показания: «Решением бюро горкома я был снят с работы завода и направлен для сбора тракторов. Мне было поручено хлопотать, где брать трактора. Специальности по тракторам я не имел, но снаружи мог выбрать трактор. При осмотре тракторов в Арамильской МТС я решил, что трактора не годны, и их не стал получать. Об этом я доложил Шеину. Но меня вторично послали за тракторами, говорили, что запасные части купим. Я уехал в Чернушку, принял трактора, отразив в актах, какого ремонта они требуют. На ремонт тракторов денег не было отпущено, а деньги собирались с колхозов. В связи с этим тракторным парком пришло две цистерны керосина. Керосин было некуда девать, об этом было доложено Козлову. Козлов сказал, что хоть керосин по горшкам разлейте, а чтобы из района не ушел. Много керосина было разлито на землю. Керосин слили в совхозовскую цистерну и в хозяйство завода. Потом получили распоряжение организовать новую МТС, где я был назначен директором. Кадры для МТС собирались тихо. Бухгалтера мне не дали, счета ввиду этого я носил в кармане, средства расходовал без учета» [21, л. 81—82].

На процессе 1939 г. давление на свидетелей уже никто не оказывал, часть из них отказывалась от своих старых показаний, часть подтверждала. Поэтому причин сомневаться в достоверности истории нет.

В деле Шеина присутствует и обвинение в поддержке правых в 1928 г., реальность которой подтверждает сам Шеин. В самом допросе содержится только информация о том, что «на собрании Лысьвенского партактива в 1928 году, где стоял доклад об анти-

партийном выступлении Бухарина, Рыкова и Томского, я выступил в защиту контрреволюционных установок правых по вопросу индустриализации» [23, л. 10]. Более подробная информация содержится в объяснительной записке Шеина Лысьвенскому горкому партии, написанной им еще до своего ареста 6 апреля 1937 г. Шеин пишет, что «по своей политической слепоте, выступая в прениях, указал, что очень большие капиталовложения вкладываются для развития промышленности и что тяжело будет их освоить, а также указал, что недостаточно вкладывается в сельское хозяйство. После, когда мне разъяснили платформу правых и мои собственные ошибки в выступлениях, я больше никогда не выступал в защиту правых, а наоборот, вел решительную борьбу за генеральную линию партии» [23, л. 25].

На XIV Лысьвенской партконференции, начавшей работу 5 мая 1937 г., кандидатура Шеина была выдвинута в члены горкома. Однако сам Шеин взял самоотвод по «мотивам болезненного состояния и неясности вопроса о его колебаниях в 1928 году» [19, л. 87]. Выдвижение его кандидатуры вызвало активное обсуждение — 13 делегатов высказались по этому поводу: 4 — за допуск Шеина, 9 — против. И. А. Касьянов, выдвинувший кандидатуру Шеина, сам был исключен из партии и впоследствии стал частью местного дела. По этому поводу он высказался следующим образом: «Я выдвинул кандидатуру Шеина в пленум горкома, так как знаю его давно. Шеин когда-то колебался от генеральной линии партии, но это было мимолетно. Я знаю Шеина как прямого и энергичного руководителя в горсовете, но меня удивляет, что в Лысьвенской парторганизации никто не может рассказать, в чем сущность ошибок Шеина. Мое мнение, что его кандидатуру можно оставить» [19, л. 87].

Приведем наиболее интересные высказывания против этой кандидатуры: «Нельзя просто так смотреть на колебания Шеина. Мы знали случаи, когда люди стрелялись из-за того, что не хотели проводить в жизнь генеральную линию партии. Вся глубина вины Шеина — это скрывание от партии его колебаний в период правого уклона». Никто не может сказать, в чем точно его вина: «Меня удивляет, почему т. Шеин нам точно не расскажет, что было тогда на активе, в чем сущность его колебаний. Ведь те люди, которые выступали раньше против линии партии, находятся за границами Лысьвенского района и не могут нам в этом помочь» [19, л. 88].

Мы видим абсолютно различные оценки его деятельности и тяжести его «проступка». В результате количество голосов «против» перевесило, что, вполне возможно, предопределило его дальнейшую судьбу.

Остановимся на некоторых моментах из политической жизни г. Лысьвы, которые можно выделить из стенограмм прений пленумов Лысьвенского горсовета и райпартконференций. Политическая система в Лысьве в 1930-е годы, особенно в первой половине десятилетия, была многополярной. В конце 1920-х и начале 1930-х система была биполярна. Первым центром власти был городской комитет ВКП(б), а вторым — дирекция Лысьвенского металлургического завода. Отношения между ними были непростыми, завод в отличие от горкома располагал значительными ресурсами, но не спешил ими делиться. Председатели завкома и первый секретарь горкома обладали примерно равным влиянием на партийную организацию города и часто вступали в дискуссии на пленумах и районных партконференциях по различным вопросам, связанным как с партработой, так и с городским хозяйством [12, л. 95—102; 13, л. 15—21]. Ситуация изменилась к 1934 г. На XII Лысьвенской районной партийной конференции и председатель заводского комитета ВКП(б), и недавно назначенный директор завода, и рядовые работники в своих выступлениях говорят о работе горкома и его новом первом секретаре В. Н. Козлове только в хвалебных тонах [14, л. 51—67].

Третьим, гораздо менее самостоятельным актором политической системы, был горсовет. Отношения между горсоветом и горкомом на протяжении всего предвоенного периода были достаточно спокойными, во многом из-за того, что все основные члены горкома были и членами президиума горсовета. Однако и между этими органами власти до 1934 г. возникали конфликты, в основном по поводу распределения ресурсов или неэффективности работы горсовета [12, л. 108—110]. Взаимоотношения между Козловым и Шеиным, которые можно проследить по материалам пленумов райсовета и райкомов, тоже были непростыми, часто присутствовала взаимная критика [4, л. 67; 5, л. 22; 6, л. 32].

Отдельно нужно отметить отношения Лысьвенского горкома ВКП(б) со Свердловским обкомом ВКП(б), который, по сути, также являлся частью политической жизни Лысьвы. Представители обкома присутствовали на всех четырех районных партконференциях рассматриваемого периода. Остановимся на их выступлениях на конференциях и на реакции местной парторганизации на них.

На XI конференции в 1932 г. в большинстве выступлений в ответ на доклад представителя обкома звучит критика работы областной организации — недостаток финансирования Лысьвы, недостаточное внимание к различным местным проблемным вопросам: жилищному строительству, коммунальной инфраструктуре, социальной сфере [13, л. 2—9]. Те проблемы, которые в районе существуют, в основном сваливают на областную организацию. Представитель обкома формально соглашается с большинством выступающих в части того, что проблемы существуют, однако затем говорит о том, что их разрешение — это задача местных товарищей, а Уралоблком не может решать все мелкие вопросы; что нужно не требовать особого внимания от областного комитета, а на деле конкретно заняться руководством и выполнить план [13, л. 10].

На XII конференции в 1934 г. уровень критических высказываний в сторону обкома резко снизился. Выступление представителя обкома также не содержит серьезной критики в адрес лысьвенских руководителей. Интересно, что во время прений конференция несколько раз прерывалась на аплодисменты после различных фраз типа «Да здравствует!», при этом И. Д. Кабаков в них упомянут три раза, а Сталин — только два, что говорит о явном повышении уровня лояльности по отношению к областным властям или как минимум о готовности демонстрировать лояльность [15, л. 41—51].

XIII партконференция в январе 1937 г., состоявшаяся еще до смены Козлова и Шеина на постах первого секретаря горкома и председателя горисполкома, полностью контролируется присутствовавшим на ней вторым секретарем Свердловского обкома Пшеницыным. Работа областной власти даже не обсуждается, представитель обкома задает тон конференции, обрушиваясь с критикой на работу Лысьвенского горкома. Звучат обвинения в самоуспокоенности, зажиме самокритики, противопоставлении партийной работы хозяйственной и даже в потере революционной бдительности [17, л. 100—103]. В постановлении конференции отмечено, что горком ослабил руководство первичными парторганизациями и, несмотря на указания ЦК партии, недостаточно боролся за качественный рост организации. Горком и парторганизация завода фактически обвиняются в отклонении от генеральной линии ЦК [17, л. 5—8]. Пшеницын выражает сомнение в том, что по итогам чистки партии, которая прокатилась по всей области в преддверии ареста Кабакова, Лысьвенская парторганизация оказалась «чистой», практически никто не был исключен из партии. Пшеницыным уже поднимается тема новой борьбы с правыми и троцкистами, хотя пока он не знает, что лидером правых на Урале будет его непосредственный начальник Кабаков [17, л. 100]. Контроль над происходящим хорошо виден в стенограмме замечаний к черновику постановления конференции. Представители об-

кома активнее всех занимаются его редактированием, расставляют акценты в будущем постановлении, настаивают на включении большего количества критики местной власти [17, л. 111—113]. В прениях по итоговому постановлению конференции представители обкома также просят подчеркнуть недостатки в работе завода и внести их в постановление [17, л. 111].

На XIV конференции отношения между Свердловским обкомом и Лысьвенским горкомом также односторонние — региональный центр выдает указания и оценивает местных работников, которые в отличие от начала 1930-х уже не осмеливаются на критику в адрес области [18].

Таким образом, мы видим, что политическая ситуация в Лысьве достаточно сильно менялась на протяжении всех 1930-х гг. Можно сделать вывод, что некоторый, временами весьма значительный уровень автономности местной власти присутствовал.

В 1937 г., после начала массовых репрессий, на политической арене города возникла новая сила. На XIV Лысьвенской конференции, которая началась за три недели до ареста Кабакова, 5 мая 1937 г., и Козлов, и Шеин уже находились под давлением. И это давление исходило не от органов НКВД или обкома, а от местной партийной организации. Козлов с трудом удерживал ситуацию в своих руках. В резолюции конференции сделана запись о том, что в Лысьвенской партийной организации еще до конца не усвоены решения февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. и указания товарища Сталина. «Секретари горкома Козлов и Егосин оторвались от партийных организаций и партийно-политической работы, не возглавили критики и самокритики и не использовали этого острейшего оружия большевизма в разоблачении троцкистов, правых и иных двурушников, реставраторов капитализма» [18, л. 5]. Критики в адрес Козлова на этой партконференции было очень много, а он в ответ критиковал многих работников рангом пониже. Однако в прениях представители парторганизаций с критикой Козлова в свой адрес часто не соглашались, а их мнение также было впоследствии включено в итоговое постановление конференции.

Несмотря на возмущения в рядах местной парторганизации, Козлов все еще мог «продавить» нужные ему решения. В показаниях одного из свидетелей на суде по делу местной группы правых есть фраза о том, что XIV партконференция признала работу партийной пропаганды удовлетворительной, однако данное решение вся конференция вынесла под давлением первого секретаря, и оно не отвечает действительности [21, л. 238].

В выступлении Козлова, которое касалось его отношений с областной властью, можно увидеть взаимоотношения внутри группы Кабакова:

«Козлов: Неправильно, что я не сказал об ошибках обкома, членом которого являюсь и я. Все мы знаем, что такие большевики, как Кабаков, который десятки лет в партии, показал на деле преданность партии, давно состоит членом ЦК, работал под руководством Ленина, Сталина — школа хорошая. Но он выдвинул Головина сначала секретарем, потом председателем, наградили его орденом Ленина. И не только Головин, а Чернецов, оказавшийся враг народа, Окуджава — враг народа (Н. Тагил), Голышев, Дьячков (Пермь), я знаю о том, что к ним неплохо относились члены бюро обкома. Авербах — находился там, где надо, не говоря уже о Марьясине, Жарикове и о целом ряде других троцкистов — врагов народа. Разоблачены и враги, которые раньше не были в оппозиции. Притупление бдительности, политическая слепота — я ничем не отличаюсь от других, не могу сказать, что Кабаков допустил ошибку, а я раскрыл. Почему эти ошибки не изживаются? Мало критики моей работы. Это признак наличия еще парадной шумихи, подхалимства, угодничества. В какой-то мере вы меня тоже разбалтываете, никогда еще до этого по-серьез-

ному, по-настоящему не критиковали горком, а сейчас на конференции мало критикуете обком» [18, л. 126—127].

Козлов также отмечает, что часто приезжают работники обкома, ничем не отличающиеся по уровню от местных — т.е. ничего не критикуют, а с реальной критикой приезжали только один раз — второй секретарь обкома Пшеницын был «гостем» XIII партконференции в январе 1937 г. и «разнес» работу местного горсовета [17, л. 100—103].

Отдельно отмечает Козлов работу и другого представителя обкома: «Тов. Старцев говорил, что меня мало критиковали, а сам отделался общими замечаниями. А где твоя помощь как представителя обкома? Почему ты не указал, что у нас есть такие-то ошибки, к чему они ведут, как их изжить? А он ведь мог это сделать, потому что приехал помогать нам» [18, л. 125].

Это выступление в целом соответствует тезисам о патрон-клиентских отношениях и «семейственности» в рядах Свердловского обкома, однако говорит и о сложной динамике внутри самой группы.

Запрос «снизу» на смену лысьвенского руководства к середине 1938 г. был сильно выражен. Часть рядовых членов определенно хотела, чтобы секретарь горкома был ближе к народу, а сам горком — более доступным и открытым для мнения рядовых членов партии. Приведем фрагмент выступления с XV партконференции в мае 1938 г., посвященного преемнику Козлова: «Наша XV-я районная партконференция единственная, где наши коммунисты могут развивать самокритику, не боясь вышестоящих руководителей. Тов. Русанов перед выборами СССР 12 декабря 1937 года несколько дней не спал, весь истрепался, идет полусонный, ему нет времени умыться, действительно грязный воротник, галстук, настоящий деревенский мужик. А в это время враги народа компрометировали — вот, смотрите на секретаря горкома. Я считаю, что эти выродки кабаковско-козловских пускали в массу свои волчьи зубы — Шеин, Касьянов и пр., всячески не соглашаясь, что их министров-врагов убрали, а посадили честных, преданных людей нашей родины, нашей партии ВКП(б). Тов. Русанов ночами не спит, работает по разоблачению врагов народа, ни один день не был дома. Зачем только жена Русанова с ним живет?» [19, л. 125].

Василий Никитович Козлов в 1930—1932 гг. проходил обучение на курсах марксизма-ленинизма в Москве, после чего получил должность ответственного секретаря Лысьвенского райкома, а после 1933 г. — горкома ВКП(б). До 1930 г. Козлов, родившийся в Украинской ССР, работал по партийной и комсомольской линии у себя на родине, а затем в Казахской ССР. С Кабаковым до назначения руководителем горкома Лысьвы Козлов знаком не был.

В протоколе судебного заседания 15 января 1938 г. записано, что Козлов «виновным себя признает, все показания, которые были даны на предварительном следствии, подтверждает полностью. В последнем слове просит дать возможность работать» [22, л. 37].

Направляя запрос на их совместную реабилитацию, его жена, сама осужденная на 5 лет, пишет: «Прошу пересмотреть его дело. Неужели ворошиловец может быть изменником родины! Если он живой, пусть не страдает и еще поработает для Советского Союза. Если помер — пусть не будет пятна на его имени, на мне и на нашей дочери» [22, л. 43 об.].

Михаил Петрович Шеин, родившийся в Лысьве в 1900 г., с 1916 г. работал на Лысьвенском заводе, затем служил в РККА, работал по партийной и профсоюзной линии в Лысьве. В 1931—1932 гг. был помощником директора Лысьвенского завода, затем председателем контрольной комиссии, а с 1934 г. председателем горисполкома.

На выездной сессии Военной Коллегии Верховного Суда СССР, состоявшейся 9 августа 1938 г., Шеин заявил, что «виновным себя не признает и от своих показаний на пред-

варительном следствии отказывается. На допросе он чувствовал себя плохо и поэтому, чтобы не затягивать допрос, он подписал протокол допроса, составленный следователем, который изложен неправильно. Не отрицает, что в 1928 году разделял взгляды правых. Показания свидетелей считает ложными. Он в антисоветской организации не состоял и никакой антисоветской работы не вел» [23, л. 41—41].

Обвинительный приговор о расстреле и конфискации всего личного имущества был вынесен в день суда 9 августа и сразу приведен в исполнение в Свердловске [23, л. 42—43]. Супруга Шеина в 1956 г. просила КГБ «указать место нахождения его, а если нет в живых, то получить свидетельство о смерти» [23, л. 46 об.]. Единственным конфискованным после вынесения приговора имуществом Шеина были книги. Жена Шеина рассказывала на опросе в январе 1957 г., что «сотрудниками НКВД были изъяты 54 тома произведений В. И. Ленина, новые, в красном переплете и картонных коробках» [23, л. 86]. Следователи попытались выяснить дальнейшую судьбу конфискованного, но не смогли [23, л. 89—95]. В Лысьве труды Ленина были в дефиците, среди участников XIII райпартконференции в 1937 г. только 20 делегатов владели собранием его сочинений [17, л. 109].

Заключение

Подводя некоторые итоги, отметим, что местный политический процесс, хотя и был связан с происходившими в Свердловске событиями, имел свои особенности. Местные руководители, являясь в определенной степени частью группы Кабакова, также проявляли и самостоятельность. Изучение их деятельности помогает лучше понять как локальные политические процессы, так и происходившее в Свердловской области в рассматриваемый период в целом. Материалы райпартконференций свидетельствуют, что многие решения, касающиеся как партийной работы, так и управления городом, становились предметом дискуссий между горкомом, горсоветом, дирекцией Лысьвенского завода и рядовыми членами большевистской партии. Вслед за падением «империи товарища Кабакова» постепенно лишились своих должностей и местные руководители — сначала председатель горисполкома, затем первый секретарь горкома, а после них — и номенклатурные работники рангом ниже. Судьба местной номенклатуры, однако, сложилась по-разному. Если первого секретаря горкома ВКП(б) В. Н. Козлова и председателя горисполкома М. П. Шеина расстреляли, то работников, арестованных вслед за ними, оправдали в 1939 г., что является серьезным отличием от процессов, происходивших со свердловской номенклатурой.

В работе рассмотрены и взаимоотношения различных акторов политической системы в Лысьве в 1930-е гг.: дирекции Лысьвенского металлургического завода и завкома, Лысьвенского горкома ВКП(б), Лысьвенского городского совета и рядовых членов партии, проявивших себя как активная сила на районных партийных конференциях в 1937 и 1938 гг. В разные периоды эти отношения были различными, но в целом можно сказать, что ситуация была динамична. Отдельно отметим выявленный момент реального влияния демократических механизмов в лице районных партконференций на судьбу номенклатурных работников местного уровня. XIV Лысьвенская районная партконференция, проходившая в самый разгар массовых репрессий, стала наиболее демократической и плюралистической с точки зрения высказываемых мнений и оценок работы как местных, так и региональных руководителей.

Список источников

1. Воробьев С. В. И. Д. Кабаков против Н. М. Шверника: борьба двух «варягов». Конфликт в Уральской области в 1928—1929 гг. // Вестник Оренбургского государственного педагогического универси-

тета. Электронный научный журнал. 2019. № 4 (32). С. 112—122. URL: http://vestospu.ru/archive/2019/articles/8_32_2019.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2019.32.8.

2. Воробьев С. В. Партийный лидер Урала М. М. Харитонов во внутрипартийной борьбе и интригах первой половины 1920-х годов // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. Исторические науки. 2017. № 4. С. 35—49.

3. Государственный архив Пермского края. Ф. Р-645. Оп. 2. Д. 38.

4. ГАПК. Ф. Р-645. Оп. 2. Д. 39.

5. ГАПК. Ф. Р-645. Оп. 2. Д. 54.

6. ГАПК. Ф. Р-645. Оп. 2. Д. 58.

7. Колдушко А. А. Кадровая революция в партийной номенклатуре на Урале в 1936—1938 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2006. 20 с.

8. Кырчиков М. С. И. Д. Кабаков и уральский регионализм конца 1920-х — середины 1930-х гг. // Научный диалог. 2017. № 5. С. 198—207.

9. Лейбович О. Л. Исповеди, проповеди и разоблачения на партийных собраниях 1936—1938 годов // Вестник Пермского университета. История. 2015. № 3 (30). С. 160—168.

10. Лейбович О. Л., Колдушко А. А. А жертвы кто? Культурные практики местной номенклатуры до большого террора // Ретроспектива. Пермский историко-архивный журнал. 2008. № 1 (6). С. 15—23.

11. Лейбович О., Колдушко А., Казанков А. [и др.] «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937—1938 гг. 2-е изд. М. : РОССПЭН : Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009. 318 с.

12. Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Ф. 85. Оп. 10. Д. 6.

13. ПермГАСПИ. Ф. 85. Оп. 14. Д. 1.

14. ПермГАСПИ. Ф. 85. Оп. 15. Д. 8.

15. ПермГАСПИ. Ф. 85. Оп. 16. Д. 1.

16. ПермГАСПИ. Ф. 85. Оп. 17. Д. 1.

17. ПермГАСПИ. Ф. 85. Оп. 19. Д. 1.

18. ПермГАСПИ. Ф. 85. Оп. 19. Д. 4.

19. ПермГАСПИ. Ф. 85. Оп. 20. Д. 1.

20. ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 2272. Т. 1.

21. ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 2272. Т. 11.

22. ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11574.

23. ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14358.

24. Сушков А. В. «Дело Свердловского облисполкома»: привилегированная жизнь «Уральских вождей» в первой половине 1930-х годов // Свободная мысль. 2019. № 3 (1675). С. 91—106.

25. Сушков А. В. Империя товарища Кабакова: уральская партноменклатура в 1930-е годы. Екатеринбург : Альфа Принт, 2019. 292 с.

26. Сушков А. В., Пьянков С. А. Девиантное поведение и коррупция районной партийно-государственной и хозяйственной номенклатуры на Урале в середине 1930-х гг. // Вопросы истории. 2021. № 8-1. С. 231—243. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202108Statyi18.

27. Сушков А. В., Терехов В. С. «Дело Кабаковского хозупра»: коррупционные практики на Урале в первой половине 1930-х гг. // Общество: философия, история, культура. 2020. № 9 (77). С. 104—112. DOI: 10.24158/fik.2020.9.17.

28. Сысов А. И. Организация и деятельность районных органов власти в горнозаводской зоне Южного Урала в середине 1920-х — середине 1930-х гг. : дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2021. 344 с.

29. Сысов А. И. Роль патрон-клиентских отношений в формировании районного аппарата управления горнозаводской зоны Южного Урала в 1920-х — середине 1930-х гг. // Россия и мир в исторической ретроспективе. К 120-летию со дня рождения выдающегося государственного деятеля А. Н. Косыгина : материалы XXX междунар. науч. конф. СПб. : Санкт-Петербургский гос. ун-т промышленных технологий и дизайна, 2024. С. 689—697.

30. Фельдман М. А. Уральская область в декабре 1923 — январе 1934 г.: жизнь и судьба — пространственный аспект // Вопросы управления. 2021. № 6 (73). С. 82—92. DOI: 10.22394/2304-3369-2021-6-82-92.

31. Фокин А. А., Шабалин В. В. Левая оппозиция на Урале после 1927 года: планы и судьбы // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 6. С. 88—94. DOI: 10.7256/2454-0609.2019.6.31523.

32. Хакимов Р. Ш. Система привилегий и льгот региональной номенклатуры в советский период: на примере Челябинской области. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2022. 195 с.

33. Хлевнюк О. В. Номенклатурная революция: региональные руководители в СССР в 1936—1939 гг. // Российская история. 2016. № 5. С. 36—52.

34. Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М. : РОССПЭН, 1996. 304 с.

References

1. Vorob'ev S. V. I. D. Kabakov protiv N. M. Shvernika: bor'ba dvukh "varyagov". Konflikt v Ural'skoi oblasti v 1928—1929 gg. [I. D. Kabakov against N. M. Shvernik: struggle of two "Varangians". The conflict in the Ural region in 1928—1929]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2019, no. 4 (32), pp. 112—122. Available at: http://vestospu.ru/archive/2019/articles/8_32_2019.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2019.32.8. (In Russian)
2. Vorob'ev S. V. Partiinyi lider Urala M. M. Kharitonov vo vnutripartiinoi bor'be i intrigakh pervoi poloviny 1920-kh godov [Ural Party leader M. M. Kharitonov in the intra-party struggle and intrigues of the first half of the 1920s]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. Istoricheskie nauki — MCU Journal of Historical Studies*, 2017, no. 4, pp. 35—49. (In Russian)
3. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraja* [State Archives of Perm Krai] (GAPK). F. R-645. Op. 2. D. 38.
4. GAPK. F. R-645. Op. 2. D. 39.
5. GAPK. F. R-645. Op. 2. D. 54.
6. GAPK. F. R-645. Op. 2. D. 58.
7. Koldushko A. A. *Kadrovaya revolyutsiya v partiinoi nomenklature na Urale v 1936—1938 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Personnel revolution in the party nomenclature in the Urals in 1936—1938. Abstr. Cand. Dis.]. Perm, 2006. 20 p. (In Russian)
8. Kyrchikov M. S. I. D. Kabakov i ural'skii regionalizm kontsa 1920-kh — serediny 1930-kh gg. [I. D. Kabakov and the Ural regionalism of the late 1920-ies — mid-1930-ies]. *Nauchnyi dialog — Scientific Dialogue*, 2017, no. 5, pp. 198—207. (In Russian)
9. Leibovich O. L. Ispovedi, propovedi i razoblacheniya na partiinykh sobraniyakh 1936—1938 godov [Confession, preaching and revelations at party meetings, 1936—1938]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya — Perm University Herald. History*, 2015, no. 3 (30), pp. 160—168. (In Russian)
10. Leibovich O. L., Koldushko A. A. A zhertyv kto? Kul'tovye praktiki mestnoi nomenklatury do bol'shogo terrora [And who are the victims? Cult practices of the local nomenclatura before the Great Terror]. *Retrospektiva. Permskii istoriko-arkhivnyi zhurnal*, 2008, no. 1 (6), pp. 15—23. (In Russian)
11. Leibovich O., Koldushko A., Kazankov A. (et al.) "Vkluychen v operatsiyu". *Massovyi terror v Prikam'e v 1937—1938 gg. 2-e izd.* ["Included in the operation". Mass terror in the Kama region in 1937—1938. 2nd ed.]. Moscow, ROSSPEN Publ.; Fond Pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'tsina Publ., 2009. 318 p. (In Russian)
12. *Permskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii* [Perm State Archive of Social and Political History] (PermGASPI). F. 85. Op. 10. D. 6.
13. PermGASPI. F. 85. Op. 14. D. 1.
14. PermGASPI. F. 85. Op. 15. D. 8.
15. PermGASPI. F. 85. Op. 16. D. 1.
16. PermGASPI. F. 85. Op. 17. D. 1.
17. PermGASPI. F. 85. Op. 19. D. 1.
18. PermGASPI. F. 85. Op. 19. D. 4.
19. PermGASPI. F. 85. Op. 20. D. 1.
20. PermGASPI. F. 641/1. Op. 1. D. 2272. Vol. 1.
21. PermGASPI. F. 641/1. Op. 1. D. 2272. Vol. 11.
22. PermGASPI. F. 641/1. Op. 1. D. 11574.
23. PermGASPI. F. 641/1. Op. 1. D. 14358.
24. Sushkov A. V. "Delo Sverdlovskogo oblispolkoma": privilegirovannaya zhizn' "Ural'skikh vozhdiei" v pervoi polovine 1930-kh godov ["The case of the Sverdlovsk Regional Executive Committee". The privileged life of the "Ural leaders" in the first half of 1930s]. *Svobodnaya mysl'*, 2019, no. 3 (1675), pp. 91—106. (In Russian)
25. Sushkov A. V. *Imperiya tovarishcha Kabakova: ural'skaya partnomenklatura v 1930-e gody* [Comrade Kabakov's empire. The Ural party nomenclatura in the 1930s]. Yekaterinburg, Al'fa Print Publ., 2019. 292 p. (In Russian)
26. Sushkov A. V., P'yankov S. A. Deviantnoe povedenie i korruptsiya raionnoi partiino-gosudarstvennoi i khozyaistvennoi nomenklatury na Urale v seredine 1930-kh gg. [Deviant behavior and corruption of the district party-state and economic nomenclature in the Urals in the mid-1930s]. *Voprosy istorii*, 2021, no. 8-1, pp. 231—243. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202108Statyi18. (In Russian)

27. Sushkov A. V., Terekhov V. S. “Delo Kabakovskogo khozupra”: korruptsiionnye praktiki na Urale v pervoi polovine 1930-kh gg. [“The Case of Kabakovsk Economic Board”. Corruption practices in Ural in the first half of the 1930s]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura — Society: Philosophy, History, Culture*, 2020, no. 9 (77), pp. 104—112. DOI: 10.24158/fik.2020.9.17. (In Russian)

28. Sysov A. I. *Organizatsiya i deyatelnost' raionnykh organov vlasti v gornozavodskoi zone Yuzhnogo Urala v seredine 1920-kh — seredine 1930-kh gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Organization and activities of district authorities in the mining zone of the Southern Urals in the mid-1920s — mid-1930s. Cand. Dis.]. Chelyabinsk, 2021. 344 p. (In Russian)

29. Sysov A. I. Rol' patron-klientskikh otnoshenii v formirovanii raionnogo apparata upravleniya gornozavodskoi zony Yuzhnogo Urala v 1920-kh — seredine 1930-kh gg. [The role of patron-client relations in the formation of the district management apparatus of the mining zone of the Southern Urals in the 1920s — mid-1930s]. *Rossiya i mir v istoricheskoi retrospektive. K 120-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya gosudarstvennogo deyatelya A. N. Kosygina: materialy XXX mezhdunar. nauch. konf.* [Russia and the world in historical retrospect. On the 120th anniversary of the birth of the outstanding statesman A. N. Kosygin. Proceed. of the XXX Internat. sci. conf.]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskii gos. un-t promyshlennykh tekhnologii i dizaina Publ., 2024, pp. 689—697. (In Russian)

30. Fel'dman M. A. Ural'skaya oblast' v dekabre 1923 — yanvare 1934 g.: zhizn' i sud'ba — prostranstvennyi aspekt [Ural region in December 1923 — January 1934: life and fate — spatial aspect]. *Voprosy upravleniya*, 2021, no. 6 (73), pp. 82—92. DOI: 10.22394/2304-3369-2021-6-82-92. (In Russian)

31. Fokin A. A., Shabalin V. V. Levaya oppozitsiya na Urale posle 1927 goda: plany i sud'by [The left opposition in the Urals after 1927: Plans and Fates]. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya — History magazine — researches*, 2019, no. 6, pp. 88—94. DOI: 10.7256/2454-0609.2019.6.31523. (In Russian)

32. Khakimov R. Sh. *Sistema privilegii i l'got regional'noi nomenklatury v sovetskii period: na primere Chelyabinskoi oblasti* [The system of privileges and benefits of the regional nomenklatura in the Soviet period. The example of the Chelyabinsk region]. Chelyabinsk, Chelyab. gos. un-t Publ., 2022. 195 p. (In Russian)

33. Khlevnyuk O. V. Nomenklaturnaya revolyutsiya: regional'nye rukovoditeli v SSSR v 1936—1939 gg. [Nomenklatura revolution: regional leaders in the USSR in 1936—1939]. *Rossiiskaya istoriya*, 2016, no. 5, pp. 36—52. (In Russian)

34. Khlevnyuk O. V. *Politbyuro. Mekhanizmy politicheskoi vlasti v 30-e gody* [Politburo. Mechanisms of political power in the 1930s]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1996. 304 p. (In Russian)

Информация об авторе

Г. Е. Константинов — аспирант

Information about the author

G. E. Konstantinov — Postgraduate Student

Статья поступила в редакцию 16.08.2024; одобрена после рецензирования 21.10.2024;
принята к публикации 20.02.2025

The article was submitted 16.08.2024; approved after reviewing 21.10.2024;
accepted for publication 20.02.2025